

Неужели слепая графиня и маленький Хейни на самом деле были погребены под обломками лесной хижины? Неужели невинного младенца посетил Божий гнев, чтобы наказать за грехи его родителей? Эти вопросы не давали покоя двум лицам, испытывающим чувство собственной вины, — преступной женщине и Курту, ее сообщнику.

Они не находили ответа на мучившие их вопросы, но и не могли поверить, что из дома можно было выбраться, поскольку Курт запер бежавшую молодую женщину с ребенком, обманув ее доверие. Но не успел он уйти, как в душе преследуемой и затравленной графини поселилось слабое подозрение. Она так часто испытывала разочарование от своего доверия.

Что, если она снова попала в руки дурного человека? Она не могла разглядеть его лица, не могла прочитать выражение его лица; беззащитная, она находилась во власти его злых намерений.

Беспокойство в ней возрастало с каждым мгновением и, наконец, подняло ее с постели. Чужой ребенок рядом с ней снова заплакал, и боль матери, так горько преданной, снова вырвалась наружу.

— Что же случилось с моим бедным Гаральдом? — причитала она, сжимая руки. — Неужели эта дьяволица из замка расправилась с ним и вместо него подложила другого ребенка, чтобы не потерять наследство Гарольда?

Ее любимый малыш, самое дорогое, что есть на земле, умер, о Боже небесный, эта мысль почти лишала ее рассудка.

Она не могла больше вынести жалобного плача рядом с собой, поэтому поспешно взяла ребенка на руки, чтобы его успокоить.

Пока она шагала с ним из стороны в сторону, ребенок затих. Однако в душе Герды не утихал смутный страх. Разве не удивительно, что мужчина так поспешно отправился за молоком для малыша прямо посреди ночи? Что, если у него были иные намерения?

А его смех! Он снова зазвенел в ее ушах. Наконец, ее беспокойство усилилось до такой степени, что она решила покинуть хижину до того момента, как мужчина вернется.

Но это оказалось не так легко, как она думала, потому что дверь оказалась запертой снаружи. Тогда она положила ребенка, поняв, что она заперта снаружи, и стала обыскивать все стены, пытаясь найти другой выход.

Некоторое время она тщетно пыталась найти выход. Наконец ее рука наткнулась на шатающуюся доску, и после того, как она немного потрясла ее, доска поддалась, и ее удалось с легкостью вытащить.

Но проем оказался слишком узким, чтобы Герда могла пролезть, поэтому с большим усилием она убрала следующую доску.

Она глубоко вздохнула: слава Богу, путь к свободе теперь был открыт! Но она не желала уходить одна, у нее не хватило бы духу бросить маленькое, беззащитное существо на произвол судьбы. Она быстро взяла ребенка на руки и выскользнула с ним из хижины.

Она задержалась снаружи всего на несколько секунд, с нерешительной молитвой, а затем поспешила прочь так быстро, как только могли унести ее ноги. В яркую лунную ночь, благодаря частично восстановленному зрению, она с легкостью смогла найти дорогу.

Но куда идти? И что делать с чужим ребенком?

Тут она вспомнила о старой Доре, матери садовника, которая в свое время предупредила ее и сообщила о готовящихся против нее нападениях. К ее счастью, верная Дора помогла бы ей.

Но идти по лесу, а потом пробираться через парк у замка и быть замеченной Уолли заставляла ее задрожать от страха.

Лучше всего было идти по дороге, тогда она могла бы добраться до дома садовника, не проходя мимо замка.

В лунном свете ей не составляло труда найти дорогу. Она пошла быстрее вдоль дороги, но всегда держалась обочины, чтобы в случае необходимости быстро уйти в лес под деревья.

Тут раздался звук гудка!

Он приближался все ближе и ближе. Но откуда? Инстинктивно она хотела свернуть с дороги — слишком поздно. Вдруг на крутом повороте дороги перед ней вспыхнул яркий свет.

От страха в горле застыл крик. В тот же миг она почувствовала удар в плечо, который отбросил ее в сторону.

Перед ней остановилась машина. Шофер в мгновение ока увидел фигуру — но он заподозрил беду! Несколько слов джентльмену, сидевшему позади него, — и он тут же выскочил из машины и поспешил обратно к месту аварии.

Искать долго не пришлось. У обочины дороги лежала без сознания женщина, из лба которой сочилась кровь.

Сильно испугавшись, незнакомец нагнулся к пострадавшей и перевязал ее рану тканью. Он не проронил ни слова, но его взгляд был прикован к смертельно бледным, ангельски прекрасным чертам Аермстеу.

Он не знал, что с ней был еще ребенок, который от удара машины выпал из ее рук и лежал в канаве чуть поодаль без сознания.

Преисполненный беспокойства за потерявшую сознание женщину, он усадил ее в свою машину и приказал шоферу как можно быстрее отвезти ее в больницу в соседнем поселке.

Герде оказали самое заботливое лечение, и барон Альтендорф — так звали хозяина машины — не покидал больницы, пока врач не заверил его, что опасности нет и что, кроме легкого сотрясения мозга, у молодой женщины только безобидная — рана на лбу.

Созерцание молодой, красивой женщины, которую коснулась смерть, произвело на барона такое глубокое впечатление, что он не мог решиться уехать. Он остановился в гостинице и ранним утром на следующий день снова вернулся в больницу, где стал уговаривать доктора отвести его к больной.

После некоторого колебания доктор исполнил его желание и проводил его к пациентке. Молодая женщина лежала на белых подушках, как маленькая бледная роза. Узкая темная повязка вокруг лба еще больше подчеркивала мраморную бледность ее лица.

— Какая она красивая! — бессознательно вырвалось из уст барона. — Я хотел бы знать, не

больно ли ей?

— Рана может немного жечь, — ответил доктор. — Я зашил ее ночью, и через некоторое время она зарубцуется. К ней также вернулось сознание; сейчас леди, вероятно, только страдает от пережитого испуга!

В этот момент к ним подошла медсестра и принесла Герде чашку молока.

— Не хотите ли вы выпить еще немного? — спросила она, просунув руку под спину пациентки, чтобы помочь ей подняться.

Та кивнула, и в этот момент ее рука неуверенно потянулась к чашке.

— Боже мой, — в ужасе произнесла сиделка, — кажется, бедняжка ослепла!

— Ослепла? — в ужасе отпрянул барон.

— Боже мой, это было бы ужасно!

Герда все еще находилась в таком оцепенении, что не понимала, о чем они говорят. Ее рука наконец наткнулась на чашку, и, отпив немного, она уже собиралась снова опуститься на подушки, когда по ее рукам и ногам прошла сильная дрожь.

— Где ребенок? — спросила она, вставая.

Случайные свидетели переглянулись, ничего не понимая. Что она имела в виду?

Барон фон Альтендорф быстро подошел к ней и удивленно сказал:

— Я ничего не знаю о ребенке! Я ведь сам поднял вас с земли. Но вы были одна, с вами не было ребенка!

Герда медленно открыла глаза и посмотрела на говорившего. Она различила его голову, но не черты лица.

— Со мной было дитя, — сказала она едва слышно, — но это было не мое дитя, и я не знаю, чье оно. Ах, что могло случиться с бедным созданием!

Барон покачал головой. Он не понимал. Наклонившись к ней, он спросил:

— Не хотите ли вы сказать мне, кто вы? Я хочу уведомить ваших родственников, а также поручить выяснить информацию о судьбе ребенка!

Герда тихонько вздрогнула.

— Нет, нет — не сообщайте! — простонала она в страхе. — Для всего мира я мертва.

Единственное, к чему еще привязано мое сердце, — мой ребенок, возможно, уже давно убит моими смертельными врагами!

Пораженный услышанным, барон сделал шаг назад и с глубокой жалостью уставился на несчастную женщину.

— Какая драма! — потрясенно пробормотал он. — Неужели в мире может быть столько

страданий, столько зла?

— По моему мнению, у больной женщины психическое расстройство, — прошептал доктор. — Возможно, она пережила много несчастий, возможно, даже стала свидетелем смерти своего единственного ребенка, и это могло лишить ее рассудка!

— Это было бы ужасно! — ответил барон, взволнованный. — Может быть, в ее душевном расстройстве виноват трагический случай? В любом случае, я считаю своим долгом позаботиться о бедной женщине и проследить, чтобы она нашла своих родных! Пусть здесь ей окажут самый лучший уход; не жалейте средств. Я, барон Альтендорф фон Финкенштейн, все оплачу.

Доктор кивнул головой в знак согласия. — Я останусь здесь, в городе, пока больная женщина не придет в себя, а потом, если понадобится, продолжу ухаживать за ней! — Если бы только знать, кто она!

В этот момент позвали доктора. Прислуга ушла раньше, и барон остался наедине с молодой женщиной, которая, отвернувшись в сторону, горько заплакала.

— Возьмите себя в руки, — умолял он, дрожа, и осторожно положил свою руку на ее руку. — Вы скоро поправитесь, и тогда я помогу вам разыскать вашего ребенка, который наверняка еще жив. Просто доверьтесь мне!

Как сочувственно звучал его голос!

— Кто вы? — спросила Герда. — Я вас не знаю. Почему вы проявляете ко мне столь глубокую заботу?

— Потому что мне есть что вам сказать! — ответил он, дрогнув. — Это мой автомобиль стал причиной вашего несчастного случая этой ночью. Поэтому совершенно естественно, что я очень хочу видеть вас выздоровевшей. Вы так и не скажете мне, как вас зовут и где ваш дом?

Она слабо застонала, а затем, вздрогнув от волнения, покачала головой.

— Нет, я не могу сказать вам этого! Какая разница? Если бы вы поинтересовались обо мне, вам бы сказали, что я мертва, что я утонула несколько месяцев назад!

"Неужели же она и вправду сошла с ума?" — снова подумал Альтендорф, и его сочувствие к несчастной женщине продолжало усиливаться. Никогда в жизни он не встречал женщины, которая произвела бы на него такое сильное впечатление, как эта бедная молодая женщина!

Только что вошла сиделка, и барон удалился.

Жизнь уже принесла ему много разочарований, а многочисленные промахи сделали его робким и озлобленным. Он владел великолепными замками и мог исполнить любое желание, но не мог купить ни счастья, ни даже покоя.

Теперь судьба поставила на его пути эту прекрасную женщину, которая уже пленила всю его душу! Его главной задачей в жизни стало вернуть ей здоровье и счастье, вернуть улыбку радости на ее лицо.

Следующие несколько часов Герда пребывала в безысходной тоске, отягощенная нескончаемой тревогой за судьбу своего сына.

Но постепенно, вопреки ожиданиям, в ней появилась некоторая устойчивость, хотя она и раньше была полна беспокойства. Однако теперь это беспокойство усилилось до такой степени, что сиделка заволновалась.

В горячке больная женщина увидела в сиделке ту, кто ее преследует. Она приняла ее за Уолли, которая под видом медсестры пробралась к ней, чтобы убить ее.

— Пощади, Уолли! — застонала несчастная женщина. — Верни мне моего ребенка, которого ты у меня отнял! Или ты уже убила его и теперь пришла убить и меня?

В горячечном бреду она металась и ворочалась, пока наконец усталость не одолела ее.

Медсестра тихонько вышла из комнаты. Но вскоре после этого больная женщина снова очнулась и выпрямилась в постели.

— Я должна уходить! — заикаясь, произнесла она. — Я должна разыскать своего Гарольда. Почему они удерживают меня здесь силой? О, они не понимают, какие муки я терплю!

Она прислушалась на секунду, и когда в комнате ничего не шелохнулось, торопливо вскочила с кровати, накинула одежду, которая лежала рядом, и подошла к окну.

— Я не могу выйти в дверь, но они меня не остановят, — взволнованно прошептала она, ее щеки пылали от жара. — В любом случае я должна уйти. Ведь голос моего несчастного любимца так отчаянно зовет меня!

Она подошла к окну и распахнула его, и в комнату ворвался свежий ночной ветерок. Дрожа, она поплотнее натянула шаль на плечи и забралась на подоконник.

Она не видела, что находится внизу. В своем лихорадочном бреду она не понимала, что там, внизу, ее ждет смерть.

И, приготовившись к прыжку, она громко закричала:

— Я иду к тебе, сердечко мое, мама идет к тебе!

<http://tl.rulate.ru/book/92712/3101529>